

Н. А. БАКЛАНОВА

К вопросу о датировке так называемого «Романа в стихах»

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина имеется сборник¹ на 122 листах, переплетенный в кожу и состоящий из нескольких отдельных тетрадей, исписанных разными почерками XVIII в. Каждая тетрадь представляет собою самостоятельную рукопись и, кроме общей пагинации, имеет свою отдельную. Состав этого сборника очень разнообразен. Мы находим в нем оригинальные и переводные повести XVII и XVIII вв., как-то: Калязинскую челобитную, повесть о маслянице, повесть о царице и львице, видение царя Мамера, сказание о царевице Брунцвике, историю о российском дворянине Фроле Скомрахове (на некоторых из них есть записи владельцев); кроме того, здесь же помещены: «Плач холопов», а также выписка из «Ведомостей» от 2 августа 1776 г., копия «слезно-ревностного доношения» в Глуховскую канцелярию, какое-то частное письмо и др.

Среди этих разнообразных литературных и деловых текстов на лл. 72—75 об. помещается отрывок, содержащий конец произведения, условно названного исследователями «Романом в стихах». Четыре листочка, сохранившиеся от него, исписаны бойким, торопливым почерком второй половины XVIII в., со строками, очень близко стоящими одна к другой. Видимо, писавший сэкономил бумагу и не заботился о красоте рукописи. Чернила не выцвели, бумага коричневатая, довольно тонкая, без водяных знаков.

Это отрывок произведения, написанного в форме азбуковника, т. е. разделенного на статьи, озаглавленные буквами алфавита. Текст каждой статьи начинается с буквы, служащей ей заглавием.

Первое печатное упоминание об этом отрывке встречаем в книге А. Н. Пыпина «Для любителей книжной старины» в 1888 г.² Автор кратко излагает содержание этого «русского романа в виршах», как он его называет, и приводит несколько отрывков из него. В. В. Сиповский, составляя свой сборник русских повестей XVII—XVIII вв., поместил в нем этот отрывок полностью, но оговорился в предисловии, что «список сделан заочно в Москве, поэтому за правописание не ручаемся», а в самом тексте встречаются сноски, поясняющие стоящие в нем многоточия: «в этом месте текст испорчен».³ Но еще чаще текст как бы прерывается несколькими строками многоточий, создающими у читателя впечатление о значительных

¹ Собр. Н. С. Тихонова, 4^о, № 486.

² Подзаголовок: «Библиографический список русских романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в.».

³ Русские повести XVII—XVIII вв. Под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского. СПб., 1905, стр. 45—58, XVIII.

пропусках в рукописи. Произведенное мною сличение этого печатного текста с подлинником из собрания Н. С. Тихонравова показало, что ошибки в «правописании» незначительны и немногочисленны; что же касается многоточий, то они вводят читателя в заблуждение. В подлиннике верхние части некоторых листов при переплетении рукописи, произведенном, очевидно, в конце XVIII в., были срезаны и вследствие этого первая строка или исчезла вовсе или остались только нижние части ее букв, дающие возможность лишь догадываться, и то не везде, об их значении. Во всяком случае утрата текста не превышает размеров одной строки на каждой из поврежденных страниц; в некоторых же местах многоточия поставлены Сиповским ошибочно, как например на стр. 50 внизу — здесь никакого разрыва в тексте нет.

К сожалению, интересующая нас рукопись дошла до нас только в одном экземпляре. Это, видимо, не оригинал, так как в нем нет красных строк, хотя это и стихотворное произведение. Кроме того, в нескольких местах текста встречаются зачеркнутые фразы или слова, которые были поставлены переписчиком по ошибке раньше, чем следовало, и повторенные дальше на своем месте. Во всяком случае этот список не может отстоять далеко по времени от несохранившегося или неизвестного нам оригинала, к датировке которого обратимся ниже.

Торопливый почерк, экономия бумаги заставляют предполагать, что копия была снята кем-то для себя лично, а не для продажи у Спасского моста, где сосредоточивалась торговля каллиграфически переписанными произведениями тогдашней художественной литературы.

Быть может, дефектность рукописи была главной причиной того, что ей не было уделено достаточного внимания. О ней до сих пор нет ни одного специального исследования. Лишь в работах более общего характера мы находим краткие замечания об этом памятнике.⁴ А между тем он заслуживает более пристального изучения.

В нем много неясного и противоречивого. С одной стороны, архаичская форма азбуковника, знакомая русской литературе еще с XII в., и концовка в духе старой церковной морали, с другой — новые воззрения на брак и отношения между родителями и детьми. С одной стороны — грубый натурализм, свойственный литературе XVIII в., с другой — тонкое понимание психологии женщины и трогательные мотивы старинных русских песен, звучащие при описании проводов невесты и изображении разлуки с «любезным».

«Роман», по крайней мере его сохранившаяся часть, несомненно не доработан. В нем неоднократно встречаются повторения одних и тех же фраз, не вызванные стилистическими условностями, возвращения к одному и тому же эпизоду без всякого основания.

Произведение, видимо, было очень значительно по своему объему. До нас дошли только параграфы, соответствующие десяти последним буквам алфавита. Большая часть утрачена. Она должна была заключать в себе рассказ о более раннем периоде жизни героини. Несмотря на указанные выше недостатки, свидетельствующие о литературной беспомощности автора, «Роман» вызывает живой интерес благодаря новизне и смелости замысла.

Бесспорно (в этом сходятся все писавшие о «Романе в стихах»), что героиня его — дочь зажиточного московского посадского человека. В его

⁴ П. Н. Сакулин, Русская литература. Часть II. Новая литература. М., 1929, стр. 48—49; И. Н. Розанов, Стихотворство Петровского времени. — История русской литературы, т. III, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 137—138; Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII в., изд. 3-е. М., 1955, стр. 42—43.

доме господствует домостроевский уклад, единственной нарушительницей которого является дочь, за что она жестоко расплачивается.

По поводу автора «Романа» высказывались различные предположения: написан ли он мужчиной или женщиной, и если женщиной, то можно ли считать его автобиографией. Не касаясь в настоящей заметке всех этих вопросов, заслуживающих отдельного исследования, остановимся лишь на одном пункте: к какому времени следует отнести появление «Романа в стихах»?

В нем так причудливо переплетается новое со старым, что исследователи не могли нащупать твердого основания для датировки его. В. В. Сиповский, не давая прямой датировки «Романа в стихах», поместил его в своем сборнике перед «Повестью о Фроле Скобееве», которую он относит к XVII в. Из этого следует, что и «Роман» он датирует тем же столетием. А. Н. Пыпин, первый писавший о «Романе», считает его относящимся, «вероятно, к первой четверти XVIII в.». Все новейшие литературоведы, упоминавшие в своих указанных выше работах о нем, относят его безоговорочно к Петровскому времени. Лишь И. Н. Розанов несколько уточняет дату, определяя ее, опять-таки без мотивировки, концом петровского царствования.

Попытаемся внимательнее всмотреться в детали «Романа» с целью нащупать какую-нибудь отправную точку для более точной датировки. Прежде всего следует заметить, что, несмотря на наличие архаизмов, никак нельзя отнести его к XVII в., хотя бы и к его концу. Об этом говорят и новые идеи, и упоминание о предметах, вошедших в употребление, особенно в средних слоях русского столичного населения, только в XVIII в.: героиня отправляется с отцом и свахой в ряды покупать чепцы. Эта деталь женской одежды появилась лишь в XVIII в., когда она постепенно начинает вытеснять старинные кокошники.

Но, помимо этого упоминания, в «Романе» рассказывается об одном факте, находящем себе документальное подтверждение и важном для датировки. Во время венчания поп спрашивает: «волею ли и не усилованьем?» Взаимное согласие на брак жениха и невесты как необходимое условие для венчания было нововведением, идущим вразрез с привычными для Домостроя обычаями, когда браки совершались по соглашению между родителями, независимо от желания жениха и невесты. Свадебный обряд XVII в. подробно и ярко описан в сочинении Григория Котошихина.⁵ Новшество было вызвано законодательством того времени. 5 января 1723 г. был издан именной указ Петра I,⁶ запрещающий родителям под угрозой штрафа женить своих детей без их согласия. Родители должны были давать присягу в том, что «одни не неволею ль сына женят, а другие не неволею ль замуж дочь дают». Итак, «Роман» не мог быть написан ранее самого конца петровского царствования, а вернее еще несколькими годами позже, так как, чтобы указ попал в литературное произведение, надо, чтобы он сначала вошел в жизнь и приобрел известность.

Нельзя ли более уточнить дату возможного появления «Романа»? Обратимся снова к тексту произведения. В нем рассказывается о том, что героиня, выйдя замуж, отправилась с мужем и «любезным» гулять в «Лафертов», т. е. в Лефортово.

Остановимся несколько подробнее на истории местности, связанной с этим термином, сохранившимся до настоящего времени. Известное

⁵ Григорий Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4-е. СПб., 1906, стр. 149—157.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. VII (1723—1727). [СПб.], 1830, № 4406.

в XVII в. под названием Немецкой слободы поселение по берегам р. Яузы при Петре I начинает изменять свой характер, становясь все более оживленным и более связанным с Москвой. Расположенное по соседству Преображенское является своего рода правительственным центром, где Петр бывает чаще, чем в столице, и где заводится свое учреждение — Преображенский приказ. В Немецкой слободе строится дворец для Франца Лефорта, служащий в то же время местом для официальных приемов иностранных послов. На территории слободы располагается полк, которым командует Лефорт, полк, носящий его имя — Лефортов. Вслед за царем сюда начинают перебираться его приближенные. Улицы, ведущие от центра города к слободе, ранее пустынные, постепенно заселяются представителями знати. Этот процесс продолжается и при преемниках Петра I. Императрицы Анна, Елизавета и Екатерина II дают распоряжения лучшим архитекторам возводить на Яузе дворцы для своего пребывания во время приездов в Москву. При дворцах разводятся обширные парки, в которых устраиваются гулянья, а в специально выстроенных помещениях — театральные представления, сначала предназначавшиеся лишь для двора и «знатных персон». В 1751 г. в парки было разрешено пускать «шляхетство и дворянство», а также приказных и «из купечества», однако лишь в отсутствие императрицы.⁷

Вернемся опять к эпизоду, рассказанному в «Романе», — о прогулке в Лефортово. «Любезной немилого со мною в Лафертов просит гуляти, потехи усмотревати. Потехи смотреть пошли, где стать, удобного места не нашли». Во время «потехи» произошла драка между «любезным» и «немилым»: «едва немилото оттащили, на доски посадили». Подчеркнутые детали указывают, что здесь речь идет не об обычном гулянье: участники этой «прогулки» спешат устроиться где-нибудь, чтобы увидеть «потехи». Упоминается о «досках», т. е. помосте для зрителей. Все это указывает на какое-то необычное, особенно пышное «гулянье». Когда же это могло быть?

Осенью 1762 г. в Москве произошла коронация Екатерины II. В ознаменование этого события по распоряжению императрицы на масленице 1763 г. в «первопрестольной столице» готовились большие торжества со всевозможными развлечениями, часть которых была предназначена не только для знати, но и для всех москвичей. Среди этих развлечений главное место должно было занять грандиозное маскарадное шествие под названием «Торжествующая Минерва». Вся постановка его была возложена на известного актера Ф. Г. Волкова.

Предстоящие торжества взволновали не только москвичей, но и провинциалов. Автор интересных записок, дворянин А. Т. Болотов, специально приехал в Москву посмотреть на это празднество, равного которому, по дошедшим до него преувеличенным слухам, нигде и никогда не бывало. Описав подробно это шествие, Болотов прибавляет: «Как шествие всей этой удивительной процессии простиралось из Немецкой слободы по многим большим улицам, то стечение народа, желавшего сие видеть, было превеликое. Все те улицы, по которым имела она свое шествие, напичканы были бесчисленным множеством людей всякого рода и не только все окна домов заполнены были зрителями благородными, но и все промежутки между оными установлены были многими тысячами лю-

⁷ Подробности застройки этой местности и устройства загородных дворцов и парков см. в статье И. Е. Забелина «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия» (Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873, стр. 351—506).

дей, стоявших на сделанных нарочно для того подле домов и заборов подмостках. Словом, вся Москва обратилась и собралась на край оной, где простиралось сие маскарадное шествие».⁸ В Лефортове при Головинском дворце были построены для этих празднеств катальные горы, качели, карусели и т. п. Желающие могли туда «собираются, смотреть разные игральщица, пляски, комедии кукольные, гокус-покус и разные телодвижения».⁹

Сличение указанных деталей в эпизоде прогулки в Лефортово, рассказанном в «Романе в стихах», с приведенными описаниями празднеств в Москве на масленице 1763 г. по случаю коронации Екатерины II дает основание относить данный эпизод именно к этим событиям.

Таким образом, наблюдение над текстом «Романа» и сравнение его с другими материалами XVIII в. дают возможность уточнить дату написания этого произведения и передвинуть ее с первой четверти XVIII в. на 60-е годы того же столетия, не ранее 1763 г., но и не очень много времени спустя, так как сохранившийся список по почерку следует отнести также к XVIII в., и не к самому его концу.

В заключение хочется сказать о двух работах, появившихся после написания данной заметки и затрагивающих вопрос о датировке «Романа в стихах». В недавно вышедшем т. I трехтомной «Истории русской литературы» один из авторов, П. Н. Берков, нашел возможным отнести «Роман в стихах» к началу XVIII в. Основой для такой датировки, по его мнению, является упоминание в нем гуляний в Лафертове (Лефортове) под Москвой. «Потехи», о которых говорится в «Отрывке романа в стихах», — возможно, парады «потешных полков» Петра в конце 80-х — начале 90-х годов XVII в.¹⁰ Это предположение основано на недоразумении. Во-первых, Лефортово превратилось в место для гуляний москвичей много позже смерти Ф. Лефорта, как указывалось нами выше. Во-вторых, говоря о парадах «потешных полков», автор скорее всего имеет в виду маневры, происходившие под Москвой близ деревни Кожухова на берегу Москвы реки, против села Коломенского, осенью 1693 г. Из сохранившихся современных описаний этих маневров видно, что никаких «гуляний» на территории, занятой маневрами, или вблизи нее, не было и не могло быть. Тем более не могло быть специально устроенных для зрителей деревянных помостов. В еще большей степени это касается предшествующих смотров «потешных полков», производившихся в селе Преображенском. Термин «потеха» следует понимать в данном случае как театральное зрелище, не имеющее никакого отношения к военным маневрам.

Другая работа, касающаяся данной темы, принадлежит С. Матгаузевой: «Ruský „Román ve versich“ XVIII stóletí».¹¹ Не занимаясь специально вопросом о датировке «Романа», автор относит его к первой половине XVIII в.

⁸ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1793. Т. II. СПб., 1871, стр. 389—390.

⁹ И. Е. Забелин. Хроника общественной жизни..., стр. 469.

¹⁰ История русской литературы в трех томах. Т. I. М.—Л., 1958, стр. 393, 681.

¹¹ Československá Rusjstika, I, Nakladatelství československé Akademie ved, 1959, стр. 1—14. За указание мне этой работы приношу благодарность Н. К. Гудзюно.